

18+

Рита Тлиф

ИГРА В НОЛЬ

женский триллер

Рита Тлиф

Игра в ноль. женский триллер

«Издательские решения»

Тлиф Р.

Игра в ноль. женский триллер / Р. Тлиф — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Она была гениальной мошенницей. Потом — жертвой. Теперь — агентом под чужим именем. Новая миссия: войти в мир человека, который разбил ей сердце. Но игра в ноль не прощает ошибок. Чтобы выжить, придётся вспомнить, кто ты на самом деле. И заплатить любую цену.

© Тлиф Р.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игра в ноль женский триллер

Рита Тлиф

Редактор Нафсет Айдамиркановна Натхо

© Рита Тлиф, 2026

ISBN 978-5-0071-2389-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

«ИГРА В НОЛЬ» родилась из долгих размышлений о силе духа, о том, как человек способен подниматься после самых страшных падений. Мне хотелось написать историю женщины, которая не сломалась — даже когда мир рушился вокруг неё.

Героиня прошла путь, который многие узнают в себе или в близких: боль утрат, предательства, отчаяние и — вопреки всему — возрождение. Верю, что такая история нужна. Что она скажет кому-то: «Ты не одна. Ты можешь. Ты справишься».

Посвящаю эту книгу светлой памяти моей мамы.

Она была моим первым и самым преданным читателем. Читала каждую главу, каждую строчку, каждую запятую. Верила в эту историю ещё тогда, когда я сама в неё не верила.

Я не успела показать ей последнюю главу. Она ушла до того, как книга была закончена. Но я знаю: она успела прочитать самое главное. Успела увидеть ту сцену у костра, где героиня наконец выдыхает и позволяет себе жить дальше.

Помню её руки, держащие распечатанные листы. Помню её глаза, которые блестели, когда героиня вставала после падения. Помню, как она сказала: «Она сильная. Как ты. Только ты ещё сильнее».

Я не знаю, сильнее ли. Но точно знаю: её вера в меня сделала меня сильной.

Спасибо, мама. За то, что научила не сдаваться. За то, что читала между строк. За то, что была рядом. И за то, что осталась — в каждой странице этой книги.

С благодарностью за свет, который она зажгла во мне.

Глава 1

2024 год, ноябрь. Москва, Центральный Дом Художника. Имя героини: Александра/Ариадна

Воздух был густым коктейлем из запахов старого паркета, дорогого парфюма и едва уловимой нотки сухого вина. Свет софитов, падающий на холсты, создавал в зале особую, почти сакральную атмосферу, где каждое полотно было алтарем, а каждый зритель — то ли паломником, то ли критическим божеством.

Александра Волкова стояла у массивной колонны, позволяя взглядам скользить по ней так же, как и по картинам. Она знала себе цену в этой игре отражений. Ее платье — молочный шелк-сатин, простой крой, обнажавший идеальную линию ключиц, — стоило как небольшой автомобиль. Легкая, казалось бы, небрежность уложенных волос цвета темного янтаря обманывала лишь тех, кто никогда не видел счет из парикмахерской на Патриарших. Она была частью этого интерьера: безупречной, холодной, дорогой деталью.

Улыбка, отработанная до автоматизма, застыла на ее губах. Она кивала галеристке, ловила через толпу взгляд известного банкира, легким движением бокала отвечала на чей-то тост. Ее разум, отточенный годами в финансах и выживании, работал в фоновом режиме: *«Левый зал заполнен на семьдесят процентов, пресса сконцентрирована у инсталляции, тот мужчина в очках от „Лоро Пьяна“ третий раз на меня смотрит — либо интересуется, либо работает».*

Именно в этот момент ее взгляд, скользящий по стенам, наткнулся на него. Не на человека. На пейзаж.

Небольшая картина в скромной раме, затерянная среди гигантских абстракций. На ней — берег Финского залива в Серебряном Бору, осень. Холодное свинцовое небо, рыжая листва, черная вода, набегающая на песок. Просто, даже наивно. Точная копия той, что висела над потертым диваном в их студенческой общаге. Он купил ее за триста рублей у какого-то пьяного художника на Арбате, крича: «Смотри, это наше море! Оно всегда будет с нами!»

Острая, физическая боль, будто лезвие ткнули под ребра, заставила ее замереть. Шум вернисажа отступил, превратившись в глухой гул. Она увидела не мазки краски, а запах дешевого кофе из машинки в коридоре, шершавую ткань дивана на голой коже, смех, который тогда был таким настоящим, что от него перехватывало дыхание. И его лицо. Не то, застывшее в глянцевого журналах, а молодое, одухотворенное, с глазами, полными будущего, которое она видела только с ним.

Рука сама потянулась к горлу, к тонкой платиновой цепочке, единственному украшению сегодня. Холод металла вернул ее в реальность.

«Не сейчас. Никогда. Ты прошлое, от которого остался только пепел. Ты не имеешь права», — прошипел в голове ее внутренний голос, голос выживальщицы Ариадны. Но это была не Ариадна. Это была Саша, девчонка, которая умерла десять лет назад, но чей призрак иногда выл от тоски в самых защищенных уголках ее души.

Она сделала глоток ледяного шардоне, заставив вино обжечь горло. Боль отступила, сменившись привычной, усталой пустотой. Она отвела взгляд от картины, как от трупа.

И именно тогда заметила их.

Двое. Мужчина и женщина. Они не смотрели на искусство. Их глаза, серые и бездонные, сканировали зал, методично, как камеры наблюдения. Одежда — безупречный, но безликий деловой кэжуал, который можно купить в любом торговом центре от Москвы до Владивостока. Они выделялись именно этой своей полной невыразительностью. В мире, где каждый кричал о своей индивидуальности, их тишина была оглушительной.

Их взгляды встретились с ее. Женщина, коротко стриженная блондинка, едва заметно кивнула в сторону выхода в фойе.

Сердце Александры замерло, а потом забилося с такой силой, что ей показалось, его стук слышно через шелк платья. Адреналин, острый и знакомый, ударил в кровь. Это был не взгляд поклонника и не взгляд клиента. Это был взгляд системы. Той самой, в которую она однажды вписалась кровью и потом.

Она медленно, с небрежной грацией, поставила бокал на поднос проходящего официанта. Улыбка не сошла с ее лица, она превратилась в маску. Она сделала вид, что поправляет клатч, давая себе пять секунд.

«Варианты? Бежать? Бессмысленно и глупо. Играть в непонимание? Они не купятся. Значит — контроль».

Спокойной, уверенной походкой, будто направляясь в дамскую комнату, чтобы поправить помаду, она пересекла зал. Шелк платья шелестел, словно предупреждая об опасности. Она прошла мимо пары критиков, бурно жестикулировавших, мимо девушки, фотографирующей селфи с картиной, — все это промелькнуло как кадры в замедленной съемке.

В просторном, прохладном фойе было почти пусто. Те двое ждали ее у огромного окна, за которым темнела Москва-река, усыпанная огнями.

— Александра Андреевна Волкова? — спросил мужчина. Его голос был тихим, ровным, без эмоций. Вопросом это не было.

— В течение последнего часа — да, — ответила она, поднимая подбородок. Ее собственный голос прозвучал удивительно спокойно.

Блондинка достала из кармана тонкую кожаную папку, приоткрыла ее. Там, рядом с фотографией Александры, лежала пластиковая карта с гербом и словом «ДСА». Департамент стратегического анализа. Легенда, прикрытое или нечто большее — она не знала. Знакомый только по внутреннему жаргону наставников отдел.

— Вам необходимо с нами пройти. Операция «Аргонавт» активирована, — произнесла женщина, и в ее безликих глазах на миг мелькнуло что-то похожее на азарт. Или на жалость.

Слово «Аргонавт» прозвучало для Александры как удар грома в тишине. Все тренировки, вся ее новая, выкованная из боли и стали личность сжались в одну точку. Это был ее позывной. Ее личное дело. Тот самый мост из прошлого, который она боялась перейти.

Внешне она лишь побледнела, что было почти незаметно под слоем тонального крема. Внутри же рухнули все баррикады. Она кивнула, один резкий, короткий кивок.

— Я должна взять пальто, — сказала она, и это была ее последняя попытка оттянуть неизбежное, сохранить хоть тень контроля над ситуацией.

— Мы уже позаботились, — сказал мужчина, и его рука легким, но неоспоримым жестом указала на служебный выход, ведущий не к шумной набережной, а в темный, глухой переулок, где, как она уже знала, ждал неприметный автомобиль с затемненными стеклами.

Александра Волкова сделала шаг. Потом еще один. Она оставляла за собой мир шелковых платьев, дорогого вина и притворных улыбок. Она шла навстречу теням. И где-то в глубине, под слоями страха и ледяного расчета, что-то давно забытое и опасное шевельнулось. Не страх. **Предвкушение.**

Игра, ради которой она согласилась переродиться, только что перешла на новый, смертельный уровень.

Глава 2

*2023 год, ноябрь, 14:30. Москва, Центр социально-экономического мониторинга.
Имя героини: Александра.*

Она ждала подвоха.

Это было первое, что Александра Волкова чувствовала всегда, заходя в незнакомое место. Интуиция, отточенная годами сделок, где каждый улыбался в лицо и держал нож за спиной. Она привыкла сканировать помещение за три секунды: выходы, камеры, лица, опасность.

Сегодня опасность была везде.

Кабинет оказался маленьким, душным, с единственным окном, выходящим во внутренний двор. Серый свет падал на стол, два стула, облезлый металлический шкаф. Ни картин, ни растений, ни личных вещей. Даже канцелярских принадлежностей не было — только телефонный аппарат образца двадцатилетней давности и чистая пепельница.

Здесь не работали. Здесь **принимали решения**.

Александра села на стул лицом к двери — привычка, оставшаяся от суда. Никогда не поворачивайся спиной к тому, от кого ждешь приговора.

Она ждала. Десять минут. Двадцать.

Пальто, старое, драповое, цвета выцветшего графита, она не сняла — в кабинете было холодно, к тому же под ним скрывался растянутый свитер с катышками на локтях. Она ненавидела этот свитер. Ненавидела пальто, которое помнило её лучшие годы и теперь висело мешком. Ненавидела туфли, стертые с внутренней стороны, потому что она уже два месяца не могла позволить себе набойки.

«Позволить». Смешное слово.

Кирилл говорил: «Набойки — это триста рублей. Ты хочешь выбросить триста рублей на ветер?»

Она перестала делать набойки. Перестала стричься. Перестала покупать кремы, нормальную еду, витамины от выпадения волос, которые ей выписал дерматолог — «гомеопатия, развод на деньги, ты лучше куриный бульон пей, там коллаген».

Куриный бульон. Она ненавидела куриный бульон!

Дверь открылась без стука.

Она ожидала увидеть кого угодно: чиновника, следователя, психолога — ей звонили из разных ведомств с тех пор, как приговор вступил в силу. Все хотели одного: чтобы она признала свою ничтожность и исчезла.

Вошедший не был похож ни на одного из них. Мужчина за шестьдесят, короткий седой ежик, лицо, изрезанное морщинами так глубоко, будто их наносили ножом. Шрам у левого виска — старый, белый, ровный, не боевой, а скорее операционный. Глаза — серые, почти прозрачные, с той особенной пустотой, которая бывает у людей, видевших слишком много смертей и переставших удивляться.

Он не смотрел на неё как на подсудимую. Он смотрел как на **задачу**.

— Волкова, — сказал он без вопросительной интонации.

Он сел за стол, не предлагая ей чая, кофе, воды. Не извинился за ожидание. Не назвал своего имени. Положил перед собой тонкую картонную папку, открыл, пробежал глазами. Александра молчала. Она знала эту игру. Кто первым нарушит тишину — тот проиграл. Он читал её досье три минуты. Она считала про себя. Сто восемьдесят секунд, за которые можно признать себя проигравшей, начать оправдываться, кашлянуть, поправить волосы, сцепить пальцы. Она сидела неподвижно. Только внутри, под рваным свитером и старым пальто, сердце билось о ребра так, что, казалось, он должен слышать. Он поднял глаза.

— Вы гений, — сказал он спокойно. — И вы позволили какому-то... — он сделал паузу, и в этой паузе уместилось всё презрение, на которое способен человек его профессии, — **мужчине** заставить вас есть курицу по акции и считать, что это нормально.

Она вздрогнула. Словно он ударил её наотмашь.

— Откуда вы...

— Мы наблюдаем за вами три недели, — перебил он. — И, если вы спросите «это законно?», я отвечу, что в вашем положении вопрос законности — непозволительная роскошь.

Он закрыл папку. Откинулся на спинку стула.

— Ваш сожитель, Кирилл Сергеевич Бойко, тридцать два года, — продолжил он тем же ровным тоном, будто зачитывал прогноз погоды. — Последнее место работы — одиннадцать месяцев назад, компания «Стройоптторг», менеджер среднего звена, уволен за систематическое неисполнение обязанностей. С тех пор — случайные подработки. Доход за последние три месяца — сорок семь тысяч рублей. Из них тридцать потрачено на личные нужды, семнадцать — сдано в общий бюджет, что составляет примерно семь процентов от вашего ежемесячного заработка в тот же период.

Она молчала. Ей казалось, что пол уходит из-под ног.

— При этом, — продолжал Егоров (имени она ещё не знала, но уже запоминала каждую черту его лица), — он контролирует ваши расходы. Ограничивает питание. Сопровождает на деловые встречи, создавая впечатление... — он чуть склонил голову, подбирая слово, — нестабильности. Срывает переговоры. Уничтожает вашу репутацию. И вы это позволяете.

Он замолчал. Тишина стала такой плотной, что её можно было резать ножом.

— У меня нет выбора, — сказала она.

Голос прозвучал глухо, чужим. Она ненавидела этот голос. Ненавидела, что он дрожит. Ненавидела, что этот человек видит её насквозь, а ей нечем прикрыться, кроме старого пальто, которое давно уже не греет.

— Я должна ему двести тысяч, — добавила она. — Он давал на адвоката. На штрафы. Если я уйду, он подаст в суд. У меня условный срок. Мне нельзя нарушать.

Егоров слушал. Не перебивал. Не кивал сочувственно. Просто ждал, когда она закончит.

Она закончила. Тишина вернулась.

— Волкова, — сказал он наконец. — Я прочитал сто двадцать семь дел за последний месяц. Ваше — единственное, где женщина, имея на руках пять уголовных статей, умудрилась не только не сесть, но и сохранить лицензию. Вы знаете, как вам это удалось?

Она молчала. Она знала. Следовательно пожалел. Адвокат выбил условку. Судья был в хорошем настроении. Ей просто повезло.

— Нет, — сказал Егоров, будто прочитав её мысли. — Вам удалось это, потому что вы умнее всех, кто пытался вас поймать. Вы провели пять сделок, каждая из которых требовала манипуляции людьми на высшем уровне. Вы обманули аудиторов, подделали подписи, вывели деньги через три юрисдикции. Вы играли с цифрами так, как Моцарт играл с нотами. Вы — гений финансовой иллюзии.

Он сделал паузу. Его глаза, прозрачно-серые, как балтийский лед, смотрели прямо в неё.

— И вы позволяете какому-то безработному альфонсу решать, достойны ли вы куска рыбы на ужин.

Она не выдержала. Отвела взгляд.

— Вы не понимаете...

— Я всё понимаю, — перебил он. — Вы боитесь. Не его — вы боитесь, что он прав. Что вы действительно ни на что не годны. Что условный срок — это потолок. Что лучшие годы остались в той квартире, где вас предали, а теперь вы доживаете в другой, с другим, и это справедливое наказание за то, что когда-то вы слишком сильно любили не того человека.

Она замерла. Он знал про Артема. Он знал всё.

— Откуда... — выдохнула она.

— Волкова, — Егоров чуть наклонился вперед, и в его голосе впервые появилась не сталь, а **усталость**. — Я не следователь. Я не психолог. Я не коллектор, которого нанял ваш сожитель, чтобы выбить из вас остатки совести. Я человек, которому нужна ваша голова. Не ваше тело, не ваша душа, не ваше сломанное самоощущение. Мне нужен ваш **интеллект**.

Он помолчал.

— И я предлагаю вам сделку. Не такую, как вы заключали раньше. Легальную. С государственной гарантией.

Он открыл папку и достал тонкий пластиковый конверт, положил на стол между ними.

— Здесь — новый паспорт. Новое имя. Новая биография. Погашение всех долгов, включая задолженность перед Бойко. Снятие судимости. Денежное довольствие, которое позволит вам забыть слово «курица» как минимум на год.

Она смотрела на конверт. Он лежал на полированной поверхности стола, тонкий, безликий, похожий на тысячу других конвертов.

— Что я должна сделать? — спросила она.

Егоров не улыбнулся. Он вообще не менял выражения лица.

— Вы должны исчезнуть, — сказал он. — Сегодня. Прямо сейчас. Вы не вернетесь в тот дом. Вы не возьмете свои вещи. Вы не напишете прощальное письмо. Вы просто перестанете существовать для него.

Пауза.

— Это единственное условие, от которого вы не можете отказаться. Потому что человек, который позволяет себя уничтожить, не способен защищать других. Вы станете тем, кем я хочу вас сделать, только когда перестанете быть жертвой.

Она смотрела на конверт. Внутри неё что-то поднималось — тяжелое, горячее, почти забытое.

Гнев.

— Кем вы хотите меня сделать? — спросила она, и голос её больше не дрожал.

Егоров посмотрел на неё долгим взглядом.

— Я хочу сделать вас агентом, — сказал он. — Специальным. Элитным. Тем, кого отправляют туда, куда обычным вход запрещен. Вы будете играть с людьми, которые считают себя богами. Вы будете вскрывать их схемы, ломать их планы, выворачивать их карманы и их души. Вы будете делать то, что делали всегда — манипулировать, соблазнять, обманывать. Но не ради денег.

— А ради чего? — спросила она.

Он чуть приподнял бровь.

— А ради чего вы живете, Волкова? Вы уже пробовали ради денег. Вас это сюда привело.

Она молчала.

— Я даю вам миссию, — сказал Егоров. — Не работу. Миссию. Цель. Смысл. И, если хотите, месть. Всему миру, который вас предал, использовал и выбросил. Вы получите право нажать на спусковой крючок. Образно или буквально — зависит от обстоятельств.

Он пододвинул конверт к ней ближе.

— Ваш Кирилл исчезнет из вашей жизни через час, когда вы выйдете из этого здания. Ваши долги исчезнут завтра утром. Ваше прошлое исчезнет через две недели, когда вы получите новый паспорт.

Она взяла конверт. Не открывая, сжала пальцами край. Тонкий пластик хрустнул.

— А моё имя? — спросила она.

— Какое? — уточнил Егоров. — То, что вам дали родители? Или то, под которым вы воровали?

Она подняла на него глаза.

— Мне нравится моё имя.

— Оно останется с вами, — кивнул Егоров. — Внутри. А снаружи будет другое. Вы станете тем, кем захотите. Но сначала вам придется перестать быть той, кем вы были.

Он встал. Разговор был окончен.

— У вас двадцать минут, — сказал он, взглянув на наручные часы. — Машина ждет у входа. Если вы не выйдете через двадцать минут, предложение аннулируется. Вы вернетесь в свой дом, сварите курицу и будете слушать, как он рассказывает вам о вашей никчемности.

Он направился к двери.

— Постойте, — сказала она.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Как вас зовут? — спросила она.

Он помолчал секунду.

— Егоров, — сказал он. — Бронислав Аркадьевич.

И вышел.

Она осталась одна в сером кабинете. В руке — конверт с новой жизнью. В груди — пустота, в которой медленно, неуверенно, как первый подснежник после зимы, начинало пульсировать что-то, чего она не чувствовала два года.

Надежда.

Она встала. Поправила пальто — старое, драповое, безнадежное. Посмотрела в окно на серый ноябрьский двор.

Потом развернулась и пошла к выходу.

Она не обернулась.

Через двадцать две минуты неприметный серый автомобиль отъехал от здания с табличкой «Центр социально-экономического мониторинга».

Пассажирка на заднем сиденье молча смотрела в окно. Рядом с ней лежал тонкий пластиковый конверт.

Она не знала, что через три часа Кирилл начнет писать ей сообщения.

Через три дня перестанет.

Через три месяца ей приснится сон, будто он стоит на пороге её новой комнаты, и она проснется в холодном поту — и впервые за долгое время не почувствует страха, только глухое, спокойное отвращение.

Через полгода она перестанет вздрагивать при слове «курица».

Но всё это будет потом.

А сейчас она просто ехала в машине, сжимая в пальцах конверт, и училась дышать заново.

За окном падал первый снег.

Глава 3

2023 год, ноябрь, время 15:10. Москва, её дом. Два этажа, мама внизу, комната Дианы справа от лестницы. Имя героини: Александра.

Машина остановилась у её собственной калитки.

Александра смотрела на знакомый забор, на калитку, которую они с мамой красили два года назад, на окна своего дома. Окна первого этажа — мамины. Окна второго этажа — её и Дианы.

Она прожила здесь более тридцати лет. Последний год — с ним.

Кира, сидевшая за рулем, не глушила мотор.

— Двадцать минут, — сказала она, не оборачиваясь. — Егоров был серьезен.

Александра кивнула и вышла под белые хлопья снега.

Калитка открылась скрипнув — смазать петли она просила Кирилла полгода назад. Он обещал, но так и не сделал. Впрочем, как всегда.

Она вошла во двор.

Вот её скамейка, где они с мамой пили чай летними вечерами. Вот её яблоня, посаженная в год рождения Дианы. Вот её дом.

Чужой.

Она открыла дверь своим ключом. Вошла. И сразу поняла: он здесь. Телевизор орал на втором этаже. Его шаги — тяжёлые, хозяйские — уже гремели над головой. Она услышала, как открылась дверь её спальни, как он вышел на лестницу.

— Ты где была?! — заорал он, даже не спустившись. Голос летел по лестнице, ударялся о стены, впивался в уши. — Я тебя спрашиваю, сука, где ты была?!

Она не ответила. Начала подниматься.

Он уже стоял на верхней площадке — красный, злой, с трясущимися руками. Пахло перегаром и потом.

— Я звонил! Трубку не брала!

— Была на встрече.

— На какой встрече? У тебя нет встреч! Ты без меня никто! Ты без меня вообще никто, поняла?!

Она попыталась пройти мимо него в спальню. Он схватил её за плечо, развернул к себе.

— Ты чё молчишь? Я с тобой разговариваю!

— Пусти.

— Куда ты ходила? С кем ты была? Я всё равно узнаю! Ты думаешь, я не узнаю?

— Пусти, Кирилл.

Он сжал плечо сильнее — пальцы впились в кожу, оставляя синяки. Она уже знала, что завтра здесь будет багровое пятно.

— Я тебя спрашиваю!

— Я была на встрече с клиентом. — Она сказала это ровно, глядя ему в глаза. Так, как учил Егоров: не показывать страх. — Если ты сейчас же меня не отпустишь, я крикну. И мама вызовет полицию. Хочешь провести ночь в отделении?

На секунду в его глазах мелькнуло что-то — удивление? Испуг? Она никогда так с ним не разговаривала. Он отпустил.

— Иди ты... — буркнул он. — Всё равно узнаю.

Она прошла в спальню. Он — за ней, как привязанный. Он всегда был за ней. Даже в туалет провожал взглядом.

Комната была её. Только на бумаге. На деле — это была просто ещё одна территория, которую он оккупировал. Он входил сюда без стука. Всегда. Садился на её кровать, пока она одевалась, смотрел раздевая глазами. Рылся в её шкафу — проверял, не появилось ли чего нового, не купила ли она что-то без его разрешения. Листал её блокноты — не для того, чтобы понять, а чтобы найти: вдруг она пишет кому-то?

— Ты что, моё читаешь? — спросила она однажды.

— А что, есть что скрывать?

Она перестала оставлять блокноты на виду.

Он проверял её телефон каждую ночь. Просматривал сообщения, историю звонков. Если находил что-то, чего не понимал, — допрос на три часа.

— Кто такой Денис?

— Клиент. Я же говорила.

— Почему он пишет в одиннадцать вечера?

— Потому что у него сделка.

Он не верил. Никогда.

Она перестала брать трубку при нём. Перестала улыбаться, когда читала сообщения. Перестала вообще чему-либо радоваться в его присутствии.

А он был здесь всегда. Сидел на её кровати, пил её чай, дышал её воздухом.

У неё не было своего угла.

Даже здесь.

Сейчас он стоял в дверях и смотрел, как она открывает шкаф. Смотрел с подозрением, с ненавистью, с чем-то ещё — может быть, с непониманием.

— Ты чего? — спросил он, увидев спортивную сумку.

— Собираюсь.

— Куда?

— Подальше от тебя.

Она сказала это спокойно. Достала паспорт, диплом, ноутбук. Блокноты, которые он так любил листать, убрала в сумку в последнюю очередь.

Он смотрел на неё, не веря.

— Ты с ума сошла? Куда ты пойдёшь? Кому ты нужна?

— Найду, кому.

— Да ты без меня пропадёшь! Ты никто! У тебя ничего нет!

— У меня есть дом, — сказала она, обводя рукой комнату. — Мой дом. Который ты занимаешь.

— Ты... — он шагнул к ней. — Думаешь, я тебя отпущу? Думаешь, я позволю?

Схватил за руку, рванул на себя. Сумка упала.

— Я тебя никуда не пущу, поняла? Ты моя! Моя!

— Пусти!

— Не пущу! — Он замахнулся.

И тут из коридора донеслось:

— Кирилл.

Голос мамы. Спокойный, ровный, как лезвие.

Он обернулся.

Мама стояла на пороге. Маленькая, в старом халате, с прямой спиной. В руке — телефон.

— Только тронь, — сказала она. — Я уже набрала 112. Одним нажатием.

Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего Александра никогда не видела: растерянность. Злость. Бессилие.

— Ты... ты чё, старая? Не в свои дела лезешь!

— Это мой дом, — сказала мама. — И моя дочь. А ты здесь гость. Временный.

— Да я тебя!..

— Что? — мама чуть приподняла телефон. — Полиция приедет через семь минут. Ты хочешь объяснять им, почему поднял руку на женщину? У нас есть фотографии. Много. За год. Он замер.

Александра смотрела на мать и не узнавала её. Эта женщина никогда не повышала голоса, никогда не лезла в драку, никогда не защищала её так — в открытую. Она просто была рядом. Всегда. И ждала.

— Собирайся, — сказала мама Александре, не сводя глаз с Кирилла. — Я посторожу.

Александра подхватила сумку. Закинула туда всё, что упало. Паспорт, диплом, ноутбук, блокноты. Кольцо Артёма — на дно, в кармашек.

Кирилл стоял в дверях, перекрывая выход. Маленький, жалкий, злой.

— Пропусти, — сказала Александра.

— Не пушу.

— Пропусти, — повторила она. — Или она вызывает полицию прямо сейчас. И тебя выселят сегодня же. Без вещей.

Он посмотрел на маму. Мама спокойно встретила его взгляд.

Он отошёл.

Александра вышла из комнаты. Прошла по коридору. Спустилась по лестнице — той самой, по которой когда-то поднимался Артём.

Сзади топали его шаги. Он шёл за ней, как всегда. Контролировал каждый шаг.

У двери он схватил её за руку в последний раз.

— Ты пожалеешь, — прошипел он. — Ты без меня ничто. Вернёшься. Ползать будешь.

Она посмотрела на его пальцы, сжимающие её запястье. Потом подняла глаза.

— Убери руку.

Он не убрал.

— Кирилл, — раздалось с лестницы. Голос мамы. — Руку убрал. Быстро.

Он отдернул руку, как ошпаренный.

Александра открыла дверь. Вышла.

Калитка. Двор. Улица.

Она не обернулась.

Кира открыла дверь машины.

— Восемнадцать минут, — сказала она. — Егоров будет доволен.

Александра села на заднее сиденье. Положила сумку рядом. Руки тряслись.

— Куда теперь? — спросила она.

— В одно место, — ответила Кира. — Там будет общежитие, форма, распорядок. И никаких телефонов.

— А он?

— А он через... — Кира посмотрела на часы, — примерно полчаса получит повестку. Участковый, соседи, заявление о домашнем насилии. Фотографии ваших синяков уже в деле. Ничего уголовного, просто профилактическая беседа. Но он поймёт, что вы больше не беззащитны. И что искать вас — плохая идея.

— А если не поймёт?

— Поймёт. Мы умеем объяснять.

Александра молчала. Смотрела на свои руки. Кожа сухая, шелушится. Ногти коротко обстрижены. На запястье — красные следы от его пальцев.

Машина тронулась. За окном проплывал её дом. Её двор. Её яблоня.

В окне первого этажа стояла мама. Маленькая, в старом халате, с прямой спиной. Рядом с ней — Диана. Двенадцать лет, растрёпанные косы, пижама с единорогами.

Диана помахала рукой.

Александра подняла руку в ответ. И вдруг поняла, что по щекам текут слёзы.

— Я вернусь, — прошептала она. — Обязательно.

Кира ничего не сказала.

Через час Александра стояла в маленькой комнате с белыми стенами, металлической кроватью и пластиковым шкафом. За окном — сосновый лес, снег, тишина.

Она положила сумку на кровать. Расстегнула молнию. Достала блокнот, ноутбук, фотографию мамы и Дианы.

Поставила рамку на подоконник.

Села на край кровати и вдруг почувствовала, как подступает к горлу то, что она сдерживала два года.

Не облегчение. Не радость.

Горе.

Горе по той женищине, которой она была когда-то. По той Саше, которая верила в любовь, носила каблуки, смеялась в полный голос и не взвешивала каждую покупку на весах чужого одобрения.

По той, которая построила этот дом.

По той, которая пустила в него чужих.

— Прости меня, мам, — шепнула она в пустоту.

Глава 4

2024 год, январь. Закрытый тренировочный комплекс ДСА, условное наименование «Лес». Имя героини: Ариадна.

Подъем в пять утра — это не время, это издевательство.

Ариадна лежала на жесткой койке, вслушиваясь в вой вентиляции, и пыталась вспомнить, когда в последний раз спала больше четырех часов. Тело ломило. Не от тренировок — их еще не было. От жизни.

Рядом завозилась соседка. Женщина лет сорока с короткой стрижкой и лицом, которое не меняло выражения, как у карточной королевы. Вчера, когда Ариадну привезли в казарму, она не представилась. Только кивнула на свободную койку и отвернулась к стене.

Сейчас она уже стояла одетая, застегивая ремень.

— Подъем в пять десять, — сказала она, не глядя. — У тебя три минуты, чтобы быть на улице. Егоров не ждет.

Ариадна села. Холод пробирал даже сквозь казенное белье. За окном — чернота и снег. Лес стоял стеной, темный, бесконечный.

Она оделась за полторы минуты. Навык, приобретенный в общежитии, не ржавеет.

На улице мороз щипал лицо.

Плац — бетонное прямоугольное поле, окруженное с трех сторон лесом, с четвертой — трехэтажным зданием казармы. Фонари били вниз холодным белым светом, выхватывая из темноты фигуры. Десять человек. Женщины и мужчины. Все в одинаковых черных спортивных костюмах без опознавательных знаков. Все молчат.

Ариадна встала в строй. Справа от нее — королева карт. Слева — молодой парень с нервным тиком.

Ровно в пять пятнадцать из дверей казармы вышел Егоров.

Он не бежал. Не спешил. Шел спокойно, вразвалочку, заложив руки за спину. На нем была та же форма, что на всех, но сидела она иначе — как на хозяине жизни, который согласился на время надеть чужую одежду.

Он остановился перед строем. Обвел взглядом лица.

— Кросс, — сказал он. — Десять километров. По лесу. Разметка красная. Опоздавшие на завтрак не идут.

Никто не спросил, где взять карту. Никто не попросил разъяснений. Строй качнулся и побежал.

Ариадна побежала тоже.

Первые три километра она держалась.

Тело помнило бег. В студенчестве они с Артемом бегали по утрам вдоль Финского залива, пинали шишки, смеялись, падали в снег. Тогда ей казалось, что она может бежать вечно.

Сейчас лес встретил ее тишиной и тьмой. Красные флажки мелькали между стволов, как капли крови. Дыхание рвалось из груди короткими, ржавыми толчками.

На пятом километре ноги стали ватными.

На шестом — она споткнулась о корень, упала на колено, ободрала ладонь. Снег набился в рукава.

Она сидела на корточках, тяжело дыша, и смотрела на свою руку. Кровь выступила мелкими каплями, застывая на морозе.

Встань.

Это не был голос Егорова. Это был ее собственный голос, который она не слышала два года.

Встань, Саша.

Она встала. Побежала дальше.

Пришла двадцать седьмой из тридцати.

Завтрак кончился за десять минут до ее появления. Королева карт, сидевшая в столовой с подносом, не подняла головы. Парень с тиком жевал хлеб и смотрел в окно.

Ариадна взяла кружку кипятка, села в углу. Ладонь саднило.

— Волкова.

Егоров стоял в дверях столовой. Не звал — констатировал факт.

Она подошла.

— Слабо, — сказал он. — Для женщины с вашим бэкграундом — очень слабо. Вы бежите, как будто вас преследуют, но вы не хотите убежать. Вы хотите, чтобы вас догнали и убили. Это плохая стратегия.

Она молчала.

— Что вы чувствовали на шестом километре? — спросил он.

— Ноги, — ответила она. — Легкие. Холод.

— Я не спрашиваю про тело. Я спрашиваю про голову.

Она помедлила.

— Я вспомнила, как бегала раньше, — сказала она. — С другим человеком. В другой жизни.

Егоров кивнул, будто именно этого ответа и ждал.

— В другой жизни, — повторил он. — Значит, вы бежали в прошлое. А надо бежать в будущее. Или хотя бы в настоящее. Перерыв два часа. Потом стрельбище.

Он развернулся и ушел.

Ариадна осталась стоять с кружкой остывающего кипятка.

Стрельбище оказалось подвальным тиром.

Пахло порохом, металлом и потом. Вдоль стен — мишени, изрешеченные пулями. На стеллажах — оружие, которого она никогда не держала в руках, видела только в кино.

Инструктор — сухой, жилистый мужчина по прозвищу Кэп — выдал ей пистолет.

— Макаров, — сказал он. — Девять миллиметров. Восемь патронов в магазине. Ваша задача — поразить три мишени с двадцати пяти метров.

— Я никогда не стреляла, — сказала Ариадна.

Кэп посмотрел на нее с уважением. Не за правду — за то, что она не врет.

— Егоров сказал: вы гений. Гении учатся быстро.

Пистолет оказался тяжелее, чем она думала. Холодный, неудобный, чужой.

Она подняла руку. Прицелилась. Выстрелила.

Мимо.

Еще раз. Мимо.

Еще. Мимо.

Восемь патронов. Ноль попаданий.

Кэп забрал пистолет, не комментируя. Только вздохнул.

— Есть такое понятие — «мышечная память», — сказал он. — У вас её нет. Вы никогда не защищали себя. Ни оружием, ни голыми руками. Вы привыкли, что вас бьют, а вы терпите. Это плохая привычка. Её придется ломать.

Ариадна смотрела на мишени. Бумажные силуэты с черными кругами вместо сердец.

— Я не терпела, — сказала она тихо. — Один раз я ударила в ответ.

Кэп поднял бровь.

Глава 5

2013 год, февраль. Кафе «Арбат» в областном центре. Имя героини: Саша.

Кафе называлось «Арбат», хотя до настоящего Арбата здесь было полторы тысячи километров и целая жизнь.

Дешевый интерьер в псевдостаринном стиле, потолок с балками из пенопласта, официантки в «русских народных» сарафанах с глубоким декольте. Саша сидела за столиком у окна, крутила в пальцах трубочку для сока и ненавидела все.

Наращенные ногти — зачем она согласилась? Свои волосы, которые подруга Аня уложила так туго, что болела голова. Свое платье — черное, обтягивающее, купленное на последние деньги в переходе. Свою жизнь, в которой она, двадцатилетняя студентка журфака, заочница, живущая между съемной хрущевкой и электричками, согласилась на «свидание вслепую», потому что Аня сказала: *«Он нормальный, Саш. Правда. Не смотри, что из экономического. У него голова на плечах есть»*.

— Расслабься, — подруга сидела напротив, допивала уже третий кофе. — Он не маньяк. Мы с Димой полгода, я его друзей проверяла.

— Я не боюсь маньяков, — сказала Саша. — Я боюсь, что он окажется занудой.

— А если окажется, посидишь час, скажешь «спасибо-до-свидания», и все.

— А если он влюбится?

Аня фыркнула.

— Сама-то в себя веришь? Ты красавица, умница, на журфаке учишься. Это он должен бояться, что ты в него не влюбишься.

Саша промолчала. Она не чувствовала себя красавицей. Она чувствовала себя самозванкой в чужом платье.

Дверь кафе открылась, впуслав клуб морозного воздуха.

Она подняла глаза.

Их было двое. Тот, что шел первым — высокий, широкоплечий, с открытым смешливым лицом — явно Дима, Анин парень. Он сразу направился к их столику, обнял Аню, чмокнул в щеку.

А за ним шел второй.

Саша потом часто пыталась вспомнить, что именно она увидела в ту секунду. Не могла. Только ощущение: **тишина**.

Он был среднего роста, чуть выше нее. Обычные джинсы, обычный серый свитер, обычная стрижка. Ничего особенного. Но когда он вошел, шум кафе — звон посуды, голоса, музыка — вдруг стал тише. Или это у нее в ушах зашумело.

— Знакомьтесь, — сказал Дима. — Это Аня, это Саша. А это мой друг детства Артем. Учится на экономическом, четвертый курс. Умный, честный, без вредных привычек. Почти без.

Артем улыбнулся.

У него были серые глаза — не ледяные, не прозрачные, а теплые, с крапинками, как у балтийской гальки. И улыбка — чуть смущенная, чуть насмешливая, без попытки понравиться.

— Привет, — сказал он. — Артем.

— Саша.

Он сел напротив. Не рядом, не слишком близко. Взял меню, пробежал глазами.

— Здесь хоть что-то съедобное есть? — спросил он у Димы.

— Бизнес-ланч бери, — посоветовал тот. — Котлеты по-киевски ничего.

— А ты что будешь? — Артем поднял глаза на Сашу.

Она растерялась. Он спросил не «что ты любишь», не «что тебе заказать». Он спросил «что ты будешь» — будто они уже вместе решали, будто у них уже было общее.

— Я... салат, — сказала она. — Цезарь.

— Два цезаря, — сказал Артем официантке. — И бизнес-ланч.

Официантка ушла. Аня с Димой заговорили о чем-то своем. Повисла пауза.

— Журфак? — спросил Артем.

— Заочно, — ответила Саша. — Работаю в местной газете, корреспондентом. По объявлениям бегаю, некрологи пишу.

— Некрологи?

— Ну, умер кто — надо написать, какой он был хороший. Люди платят за хорошие слова.

Он смотрел на нее с интересом. Не снисходительно, не оценивающе. Просто — с интересом.

— А ты что-нибудь пишешь? — спросил он. — Ну, для себя.

Она удивилась. Никто не спрашивал, что она пишет «для себя».

— Рассказы, — сказала она. — Маленькие. Никуда не отправляю. Так, в стол.

— Почитаю?

Она засмеялась.

— Нет.

— Жаль. Я думал, ты смелее.

Это был вызов. Тонкий, легкий, почти невесомый. Она могла бы отмахнуться, сказать, что у нее нет времени, что рассказы сырые, что он все равно не поймет.

— У меня с собой один есть, — сказала она. — В телефоне.

— Покажи.

Она протянула телефон. Он взял, начал читать. Аня с Димой уже о чем-то спорили, Аня громко смеялась, Дима делал ей знаки «тише». А Артем читал.

Саша смотрела на его лицо. Он не улыбался. Просто читал — медленно, внимательно, как читают что-то важное.

Дочитал. Поднял глаза.

— Это про девочку, которая боится высоты? — спросил он.

— Да.

— А прыгает с парашютом.

— Да.

— Потому что любит мальчика, который любит небо?

Саша кивнула.

Артем помолчал.

— А мальчик знает? — спросил он.

— Нет. Она ему не говорит. Боится, что он подумает, будто она ради него, а она на самом деле... уже и сама не знает, ради него или уже ради себя. Потому что полюбила небо.

Он смотрел на нее долго. Так долго, что Саше стало жарко в этом дурацком платье, в этом дурацком кафе, в этом городе, где никогда не будет моря.

— Ты талантливая, — сказал он. — Надо продолжать.

Она не знала, что ответить. Никто никогда не говорил ей «ты талантливая». Говорили: «способная», «старательная», «есть потенциал».

Не «талантливая».

— А ты? — спросила она, чтобы не молчать. — Экономика — это то, что ты любишь?

Он усмехнулся.

— Экономика — это то, что кормит. А люблю я... не знаю. Наверное, понимать, как все устроено. Не только цифры, а смыслы. Зачем люди принимают решения, почему ошибаются, почему иногда поступают невыгодно, но правильно.

— И как, понимаешь?
— Пока нет. Но я стараюсь.
Она улыбнулась.
— Я тоже стараюсь.

Через час они вышли из кафе. Аня с Димой уехали на такси. Саша замешкалась у выхода. Артем остался стоять на крыльце, курил — хотя не курил, просто держал сигарету в пальцах, чтобы занять руки.

— Тебя подвезти? — спросил он, когда Саша вышла.
— Я на автобусе.
— Я провожу.

Они шли по заснеженной улице. Февраль, мороз, ветер. Саша зябко куталась в тонкое пальто — надела не то, что теплее, а то, что красивее.

— Замерзла? — спросил Артем.
— Нормально.

Он снял свой шарф — толстый, вязаный, пахнувший табаком и чем-то еще, чем пахнут чужие вещи, — и намотал на нее поверх ее собственного.

— Тебе идет, — сказал он.
У нее перехватило дыхание.

Остановились у остановки. Автобуса не было, и когда будет — неизвестно. Город маленький, транспорт ходит по расписанию, а расписание никто не знает.

— Знаешь, — сказал Артем, глядя куда-то в сторону, — я не очень умею знакомиться. Дима сказал: «Пойдем, там Аня подругу приведет, нормальная девчонка, не дура». Я думал, ну ладно, посижу час, вежливо улыбнусь, уйду.

Он повернулся к ней.
— А теперь не хочу уходить.

Саша смотрела на свои сапоги. На его ботинки. На снег, падающий между ними.
— Я тоже не хочу, — сказала она.

Автобус не пришел ни через пять минут, ни через десять. Они простояли на остановке час, болтая о всякой ерунде, а когда поняли, что транспорт уже не придет, Артем поймал такси и отвез ее домой.

Она отдала ему шарф.
— Оставь, — сказал он. — Я заберу, когда увидимся.
— Когда?
— В субботу. В шесть. Я позвоню.

Он не спросил, удобно ли ей. Не сказал «если ты не занята». Просто — «в субботу в шесть».

И она поняла: он действительно не умеет знакомиться. Но умеет выбирать.

Через три дня он позвонил.

Через месяц он впервые приехал к ней домой — в тот самый дом, где на первом этаже жила ее мама, а на втором — Саша с Дианой. Он поднялся по скрипучей лестнице, увидел разбросанные игрушки, детские рисунки на холодильнике и трехлетнюю Диану, которая спряталась за Сашину ногу.

— Здравствуй, — сказал Артем девочке. Та не ответила.

Он привез вино и мандарины. Мама ушла к соседке — тактично. Диану уложили спать пораньше, но она долго не засыпала, и из-за двери доносилось: «Мам, а он злой?»

— Нет, — ответила Саша. — Он хороший.

Артем услышал. Ничего не сказал.

Он приезжал к ней в этот дом много раз. Помогал с ремонтом на втором этаже, привозил продукты, чинил кран в маминной кухне. Но с Дианой оставался вежливо-чужим. Не брал на руки, не читал сказки, не запоминал, когда у нее день рождения. Саша закрывала на это глаза: думала, всему свое время. Он же не отец, он парень. Главное, что ей хорошо.

Через полгода она перестала ждать, что он полюбит ее дочь. Просто научилась делить жизнь на две половины: одна — с ним (когда Диана у мамы или уже спит), другая — с дочкой (когда Артема нет). И эти половины почти не пересекались.

Через год она купила ему те самые джинсы, потому что старые протерлись на коленях.

Через три он отдал ей последние триста рублей на картину с Финским заливом: «Смотри, это наше море. Оно всегда будет с нами».

Она не знала тогда, что море умеет забирать.

А еще не знала, что он так и не научится любить чужого ребенка. Что однажды это станет одной из причин — не главной, но тихой, о которой он не скажет вслух.

Шесть лет спустя, 12 февраля, он скажет ей, что уходит к другой.

Но это будет потом.

А сейчас — февраль, остановка, чужой шарф на плечах, автобус, который все не приходит, а за стенкой, в доме с двумя этажами, ее Диана уже спит, и мама внизу смотрит телевизор.

И она счастлива. Пока.

Глава 6

2024 год, апрель. Закрытый тренировочный комплекс ДСА «Лес», компьютерный класс. Имя героини: Ариадна.

В классе пахло озоном и пластиком.

Двадцать рабочих станций, темные мониторы, провода, уходящие в фальшпол. Ни одного окна. Только герметичные стены, гул серверной за стальной дверью и тишина, в которой слышно, как гудит вентиляция.

Ариадна сидела за третьим столом, сцепив пальцы в замок. Ладони вспотели.

— Вы боитесь машин? — спросил инструктор.

Его звали Вадим. Тридцать пять лет, лицо без возраста, очки в тонкой металлической оправе. Из-под манжеты рубашки выглядывала татуировка — двоичный код, превращенный в орнамент. Он не носил форму, в отличие от Кэпа и Игнатовой. Только темно-синюю водолазку и часы, которые, кажется, показывали время на другой планете.

— Нет, — ответила Ариадна. — Я боюсь, что не пойму.

— Понимать не надо, — сказал Вадим. — Надо чувствовать. Машина — это продолжение вашего мозга. Только быстрее. Гораздо быстрее.

Он щелкнул клавишей. Мониторы ожили.

— Ваше личное дело, — продолжил он, — говорит, что вы провели пять крупных мошеннических схем в сфере недвижимости. Подделывали подписи, обходили аудит, выводили деньги через цепочку офшоров. Без компьютерной грамотности это невозможно.

— Я не была хакером, — сказала Ариадна. — Я просто... знала, куда нажать. Где оставить след, а где замести.

— Интуиция, — кивнул Вадим. — Хорошо. Интуицию не купишь. Я научу вас инструментам.

Он открыл программу. Черный экран, зеленая строка приглашения.

— Это «Монада», — сказал он. — Наш внутренний язык. На нем вы будете разговаривать с чужими серверами, банковскими системами, закрытыми базами. Ваша цель — не взломать. Ваша цель — **войти незаметно**. Прочитать, скопировать, выйти. Чтобы через неделю администратор посмотрел в логи и увидел: «Ошибка авторизации, попытка с неверным паролем». И забыл.

Он написал три строки.

— Попробуйте.

Ариадна смотрела на экран. Зеленые буквы пульсировали, как код в «Матрице». Она ненавидела этот фильм. Все ее знакомые мальчики в школе бредили им, а она не понимала: зачем смотреть на цифры, если можно читать книгу?

— Я не знаю, с чего начать, — призналась она.

— Начните с вопроса, — сказал Вадим. — Что вы хотите сделать?

— Я хочу... зайти внутрь.

— Внутрь чего?

— Внутрь системы.

— Хорошо. Тогда первое, что вы делаете, — вы устанавливаете соединение.

Он продиктовал команду. Она ввела. На экране побежали строки.

— Поздравляю, — сказал Вадим. — Вы только что вошли в серверную ДСА. Если вы ошибетесь в следующей команде, сработает сигнализация и сюда прибегут люди с автоматами.

Ариадна замерла.

— Я шучу, — сказал Вадим без улыбки. — Сигнализация отключена. Но люди с автоматами прибегут, если вы провалите экзамен в конце месяца.

Он говорил это так спокойно, будто речь шла о контрольной по математике.

Ариадна выдохнула.

— Что дальше?

— Дальше вы ищите уязвимость. Любая система — это человек. У нее есть привычки, слабые места, слепые зоны. Она не может защищать всё сразу. Где-то администратор поленился сменить пароль по умолчанию. Где-то разработчик оставил открытый порт для отладки. Где-то сотрудник записал пароль на стикере и приклеил к монитору.

Он наклонился к ней.

— Вы провели пять сделок. Вы обманывали людей, которые считали себя умнее вас. Как? Ариадна помолчала.

— Я смотрела, — сказала она. — Слушала. Люди любят говорить о себе. О своих успехах, планах, страхах. Если ты знаешь, чего человек боится, ты знаешь, как им управлять.

— Вот, — сказал Вадим. — То же самое с системами. У каждой есть страх. Боязнь упасть. Боязнь быть взломанной. Боязнь, что ее создатель ошибся. Найдите страх — найдите вход.

Он отошел к другому курсанту.

Ариадна смотрела на черный экран.

Чего ты боишься?

Она не знала. Она никогда не думала о компьютерах как о живых. Но Вадим сказал: «Любая система — это человек».

Тогда с чего начинается человек?

С рождения.

Она начала читать логи. Медленно, построчно.

Через три часа у нее затекла шея и слипались глаза.

Вадим подошел проверить.

— Вы нашли что-нибудь?

— Здесь, — сказала Ариадна, указывая на строку. — Порт 8080 открыт. Это же уязвимость, да?

— Это тестовая ловушка, — сказал Вадим. — Мы специально оставляем такие для новичков. Если вы введете команду доступа, система зафиксирует атаку и заблокирует вас на двадцать четыре часа.

Ариадна кивнула. Она не ввела команду. Она просто сидела и смотрела.

— Что вы сделали вместо этого? — спросил Вадим.

— Я искала другое, — сказала она. — Если порт открыт, но это ловушка — значит, настоящий вход где-то рядом. Там, куда администратор не додумался посмотреть.

Вадим молчал. Ждал.

— Вот, — она указала на другую строку. — Пять запросов от одного IP в три часа ночи. Каждый раз с разными учетными данными. Это похоже на автоматический перебор паролей.

— Это бот, — сказал Вадим. — Мы его запустили, чтобы тестировать защиту.

— А если я замаскирую свой запрос под этого бота? — спросила Ариадна. — Администратор видит перебор, думает: «опять этот дурацкий тест», и не проверяет, что внутри каждого пакета.

Вадим снял очки. Протер линзы.

— Вы это придумали сейчас?

— Да.

Он смотрел на нее долго. Потом почти незаметно кивнул.

— В понедельник перейдете к работе с криптографией, — сказал он. — Это выше базового курса. Но вам, кажется, уже скучно на базовом.

Он ушел, не дожидаясь ответа.

Ариадна осталась одна перед черным экраном. В груди пульсировало странное, почти забытое чувство.

Она не сразу поняла, что это.

Азарт.

Вечером в казарме Лена оторвалась от книги.

— Ты чего светишься? — спросила она.

— Ничего, — сказала Ариадна. — Просто... я думала, что забыла, как это делается.

— Что именно?

— Думать быстро.

Лена хмыкнула.

— Не забыла, как вижу.

Она снова уткнулась в книгу.

Ариадна легла на койку. За окном — апрель, лес уже не черный, а темно-синий, снег осел, стал рыхлым, скоро потечет.

Она вспомнила свою старую жизнь. Сделки, цифры, схемы. Тогда ей казалось, что она играет в большую игру. Но это была игра на чужих деньгах, чужих страхах, чужой доверчивости.

Сейчас она училась взламывать системы, которые охраняют государственные тайны.

Масштаб другой.

И ставки другие.

Она закрыла глаза и вдруг отчетливо, в цвете и звуке, вспомнила первую сделку.

Флешбэк: 2017 год, сентябрь.

Имя героини: Александра.

Она сидела в кафе на Тверской, напротив мужчины в дорогом костюме, и чувствовала, как колотится сердце.

— Вы уверены, что это законно? — спросил мужчина.

— Абсолютно, — ответила она с улыбкой, отработанной за две недели перед зеркалом.

— Это стандартная схема налоговой оптимизации. Все крупные компании так делают.

Он кивнул. Подписал бумаги.

Она заработала триста тысяч рублей за час работы.

В ту ночь она не спала. Не от мук совести — от восторга.

Я могу это делать. У меня получается. Я умнее их всех.

Она не знала тогда, что ум не спасает от пустоты. Что через шесть лет она будет сидеть в кабинете Егорова в старом пальто и ненавидеть себя так сильно, что дышать больно.

Но это будет потом.

А тогда — сентябрь, Тверская, первый крупный куш, и вся жизнь впереди.

2024 год, апрель.

Ариадна открыла глаза.

— Ты чего? — спросила Лена.

— Ничего, — сказала Ариадна. — Вспомнила кое-что.

— Хорошее?

— Старое.

Она повернулась к стене.

Завтра будет новый день. Новая команда. Новая уязвимость, которую нужно найти.
Она найдет. Она всегда находила.

Глава 7

2014—2019 годы. Москва, их дом. Два этажа, мама внизу, комната Дианы справа от лестницы. Имя героини: Саша.

Она строила этот дом вместе с мамой.

Не с мужем, не с отцом Дианы, не с Артёмом. С мамой.

Была квартира в старом фонде, доставшаяся от бабушки. Потом — годы продаж, обменов, ипотеки, бесконечных подсчётов: «Потянем — не потянем». Потом — этот участок, эти стены, эта крыша над головой.

Саша носила чертежи в сумочке, встречалась с прорабом в обеденные перерывы, выбирала плитку для ванной по каталогам в три часа ночи, когда Диана уже спала. Мама ездила на стройку днём, проверяла рабочих, ругалась с поставщиками, варила бригаде обед в времянке.

— Ты как прораб, — смеялась Саша.

— А ты как финансист, — отвечала мама. — Хороший тандем.

Когда дом достроили, они стояли во дворе и смотрели на него.

— Наше, — сказала мама.

— Наше, — ответила Саша.

Мама выбрала комнату внизу, с окнами в сад.

— Мне наверх тяжело подниматься, — сказала она. — А тебе с Дианой нужно своё пространство.

Они не обсуждали это больше. Мама никогда не поднималась на второй этаж без стука. Никогда не спрашивала, кто приходит к Саше и когда уходит. Никогда не лезла.

Это был их молчаливый договор: **я здесь, я рядом, я не мешаю.**

Артём впервые приехал сюда через год после их знакомства.

Он долго стоял у калитки, разглядывая дом.

— Ты не говорила, что у тебя... — он запнулся.

— Что?

— Такое.

— Такое — какое?

— Настоящее, — сказал он. — У тебя настоящий дом.

Она пожала плечами.

— Это просто стены.

— Нет, — сказал он. — Это ты.

С того дня он приезжал сюда каждые выходные.

У него был свой ритуал.

Сначала — звонок с вопросом: «Ты дома?» Потом — дорога, пробки, ожидание. Потом — его шаги на лестнице, его запах в прихожей, его голос: «Я приехал».

Он не задерживался внизу. Вежливо кивал маме, если она попадалась навстречу, — и сразу поднимался наверх.

Диану он не замечал.

Не то чтобы игнорировал — просто не включал в своё пространство. Девочка могла сидеть в гостиной, рисовать за столом, смотреть мультики — он проходил мимо с лёгкой, отстранённой улыбкой, которая означала: «Я вижу тебя, но мы не знакомы».

В первые месяцы Саша пыталась их сблизить.

— Артём, посмотри, Диана нарисовала слона.

— Красиво, — говорил он, мельком взглянув на рисунок.

— Артём, у Дианы завтра концерт в музыкальной школе, может, сходим?

— В субботу? Я занят.

Она перестала пытаться через год.

Не потому что обиделась. Она поняла: он **не хочет** привязываться. Ребёнок — это обязательства, будущее, семья. А он с самого первого разговора сказал: «Я не смогу на тебе жениться».

Она приняла это пакетом: его любовь, его заботу, его машину, его рестораны, его путешествия — и его отстранённость от её дочери.

Диана научилась не ждать.

К пяти годам она поняла: есть мамины друзья, которые играют с ней, дарят подарки, сажают на колени. А есть этот — который приходит к маме и смотрит сквозь неё.

Она не обижалась. Дети быстро учатся считывать взрослых.

— Мам, а почему дядя Артём со мной не разговаривает? — спросила она однажды.

Саша замерла, подбирая слова.

— Он... стесняется, — сказала она. — Он не очень умеет общаться с детьми.

— А у него есть свои дети?

— Нет.

— А будут?

Саша помолчала.

— Наверное. Когда-нибудь.

Диана кивнула, обдумывая.

— Тогда он с ними будет разговаривать, — сказала она. — А с нами — нет.

Саша не нашлась, что ответить.

Мама всё видела.

Она никогда не комментировала выборы дочери. Но однажды, когда Артём уехал, сказала тихо:

— Он хороший человек?

— Да, — ответила Саша. — Хороший.

— Для тебя?

— Для меня — да.

— А для Дианы?

Саша молчала долго.

— Ему не обязательно быть хорошим для Дианы, — сказала она наконец. — У неё есть мы. У неё есть ты, я. Дом. Он — только для меня.

Мама кивнула.

— Главное, чтобы ты понимала, что делаешь.

— Понимаю.

Она действительно понимала.

Она выбрала эти отношения с открытыми глазами. Знала, что у них нет будущего. Знала, что он никогда не станет частью её семьи. Знала, что её дочь для него — пустое место.

Но по выходным он приезжал, поднимался на второй этаж, и на несколько часов её жизнь переставала быть серой.

Этого было достаточно.

Шесть лет этого было достаточно.

Они расстались в феврале.

Он приехал вечером, без цветов. Сел на краешек её дивана, не сняв пальто.

— Я встретил девушку, — сказал он. — Её зовут Катя. Она из хорошей семьи. Мама её одобряет.

Саша кивнула.

— Мы хотим пожениться.

— Я рада за тебя.

Он смотрел на неё с надеждой — может быть, она заплачет, устроит сцену, даст ему повод остаться.

Она не плакала.

— Ты всегда говорил мне правду, — сказала она. — Спасибо тебе за это.

Он ушёл. Шаги на лестнице — в последний раз. Хлопнула калитка. Завелась машина.

Саша стояла у окна и смотрела, как тают в темноте красные огни.

Она не знала, сколько простояла так. Пять минут? Полчаса?

Внизу хлопнула дверь. Мама вышла во двор — Саша видела её тень под фонарём. Мама простояла, глядя вслед уехавшей машине, потом вернулась в дом.

В доме стало тихо.

Саша отошла от окна, села на диван. Смотрела на картину. Финский залив, свинцовое небо, чёрная вода. «*Наше море*», — подумала она. — *Он сказал, что оно всегда будет с нами.*

Она не плакала. Просто сидела и смотрела.

Через час снизу слышались шаги. Медленные, осторожные. Мама поднималась по лестнице — она не стучала. Просто вошла с чашкой в руках. Поставила на столик.

— Диана уснула, — сказала она. — Ты как?

— Нормально.

Мама кивнула. Не обнимала, не утешала, не говорила «я же тебя предупреждала». Она просто стояла рядом, готовая остаться, если Саша попросит, или уйти, если нужно.

— Я посижу внизу, — сказала мама. — Если что — зови.

Она вышла.

Саша осталась одна с чашкой в руках.

Чай был горячий. Мама всегда знала, что в минуты, когда слов нет, нужно хотя бы тепло.

Она не заплакала.

Ей было двадцать девять.

Впереди — годы, о которых она ещё не знала. Мужчины, карьера, падение, суд, Кирилл, курица по акции, выпадающие волосы. Впереди — Егоров, «Лес», пистолет в неумелых руках, Санкт-Мориц, чужое имя и операция «Аргонавт».

Она не знала этого сейчас.

Сейчас она просто стояла у окна и смотрела на снег.

Утром пришла Диана.

— Мам, ты чего не спишь?

— Думаю.

— О чём?

Саша посмотрела на дочь. Девять лет, по-детски пухлые щёчки, острый подбородок, внимательные глаза — она всегда была старше своего возраста.

— Дядя Артём больше не приедет, — сказала Саша.

Диана помолчала. Спросила без удивления:

— Никогда?

— Никогда.

— Он что-то сделал?

— Нет. Просто... у него теперь другая семья будет.

Диана подумала.

— А мы? — спросила она. — Мы не семья?

Саша притянула её к себе, обняла крепко-крепко.

— Мы — семья, — сказала она в макушку дочери. — Ты, я, бабушка. Мы — семья. А он... он был просто... гостем.

— Хорошим гостем?

Саша помолчала.

— Хорошим, — сказала она. — Очень хорошим.

Диана кивнула, принимая.

— Тогда жалко, что он ушёл.

— Жалко, — согласилась Саша.

Глава 8

2019—2022 годы. Москва, её дом, офисы, рестораны, чужие постели. Имя героини: Александра.

Первые три месяца после Артёма она существовала на автомате.

Вставала в семь, вела Диану в школу, ехала в офис, работала, возвращалась, делала уроки с дочерью, ужинала с мамой, ложилась спать. Тело двигалось по расписанию, а внутри — пустота. Такая плотная, что её можно было резать ножом и раскладывать по тарелкам.

— Ты как? — спрашивала мама.

— Нормально.

Мама не настаивала. Она ждала.

Диана ждать не умела.

— Мам, а почему ты больше не смеёшься?

— Смеюсь.

— Нет. Раньше ты смеялась громко. А теперь тихо.

Александра притянула дочь к себе, поцеловала в макушку.

— Я просто устала, маленькая. Это пройдёт.

Она врала.

Она не знала, пройдёт ли.

Первый мужчина после Артёма появился через четыре месяца.

Случайность. Вечеринка в честь удачной сделки, коллеги, шампанское, диджей, громкая музыка. Он подошёл сам — высокий, уверенный, с лёгкой сединой на висках. Представился: Денис, архитектор, друг заказчика.

Она не вспомнила его лицо наутро.

Запомнила только одно: когда он вошёл в неё, она на секунду перестала думать об Артёме.

Целую секунду.

Этого хватило, чтобы на следующей неделе повторить.

Она не выбирала их.

Они просто появлялись. В ресторанах, на переговорах, в спортзале, в очередях за кофе. С кем-то знакомили друзья, кто-то подходил сам, кого-то она замечала первой и позволяла заметить себя.

Главное условие: никаких привязанностей.

Имён она не запоминала. Профессий — тоже. С кем-то хватало одной ночи, с кем-то — недели. Дольше двух месяцев не задерживался никто.

— Ты будто коллекцию собираешь, — сказала как-то подруга Аня.

— Собираю, — согласилась Александра. — Коллекцию забывания.

— Помогает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.